

ГЛАГОЛ КАК КРЕАТИВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ТЕКСТА

Урсула Колат

Университет Юлиуса-Максимилиана (г. Вюрцбург)

С момента своего возникновения язык является важнейшим свойством человека, креативного существа в более широком смысле. В контексте размышлений об этом особую роль играет глагол как единица языка, единица семантической системы. Это особенно заметно при внимательном чтении русских текстов и сравнении их с немецким переводом.

Начиная наблюдения со старославянского языка, можно сделать вывод, что основы глагольной системы были унаследованы всеми славянскими языками. Это известный факт. Каждый лингвист, занимающийся славянскими языками, знает эту особенность славянских языков, в том числе русского, как и то, какую особую проблему представляет перевод русских текстов на немецкий или наоборот. Под влиянием этих размышлений возникла тема этого раздела.

Чтобы представить свое видение и оценку славянской и тесно с ней связанной русской глагольной системы в более широком ракурсе, свое восхищение стройностью этой системы и логикой ее развития, начну со старославянского языка. Все, кто занимаются русской или славянской лингвистикой, знают, какие изменения произошли в развитии славянской глагольной системы на протяжении веков и происходят на наших глазах. Предельно кратко напомню логику развития славянской глагольной системы, не претендуя на исчерпывающий характер.

Первоначально славянская глагольная система была гораздо более дифференцированной, и только спустя столетия она достигла того состояния, которое мы наблюдаем сегодня в славянских языках, включая русский. Почти все глаголы в древних славянских языках употреблялись однозначно, в зависимости от способа глагольного действия, длительного или однократного.

Это подтверждают примеры из старославянских или древнерусских текстов. Например:

*Река Днепръ ... **помечеть** на полъдне
(Der Fluss Dnjepr **fließt** nach Süden).*

С точки зрения современного состояния глагольной системы глагол *помечет* имеет значение совершенного вида, но в приведенном тексте глагол недвусмысленно употреблен в значении несовершенного вида. Этот пример показывает одно из самых важных отличий в древнеславянской глагольной системе в сравнении с глагольными системами современных славянских языков.

Второе принципиальное различие касается прошедшего времени. Как известно, в старославянском языке подсистему прошедшего времени составляли несколько разновидностей: различные аористы, имперфект, перфект и плюсквамперфект. Простому аористу (ср.: оумре - аорист 2, 3 лицо), который обозначал действие, совершенное в прошлом, не было соответствия в настоящем времени.

В современной системе это находит отражение в том, что в русском языке глаголы совершенного вида имеют простую форму прошедшего времени (*он умер*) и образуют *форму* настоящего времени, но в значении будущего времени (*умрет*).

В процессе развития глагольной системы появился сигматический аорист. С появлением этого аориста, который обозначал дуративное, ограниченное началом момента речи прошедшее действие, был сделан первый шаг к формированию современной видовой системы глагола.

Следующий очень важный шаг в развитии глагольной системы представляет утрата синтетических форм прошедшего времени, которая произошла во многих славянских языках, в том числе в русском языке, где остался только перфект, который в сочетании с категорией вида глагола представляет единственную форму прошедшего времени. В этой связи возникает вопрос: почему славянская глагольная система так отличается от систем других, неславянских языков?

Ответ на этот вопрос дали в 1959 году одновременно, но независимо друг от друга два лингвиста: советский лингвист Ю.С. Маслов в статье «О происхождении славянского глагольного аспекта» [Маслов 1959] и австрийский ученый Х. Шелесникер в статье

«Происхождение и развитие славянского глагольного аспекта» [Шелесникер 1959].

С тех пор известно, что славянская глагольная система построена на двух столпах: категории способа глагольного действия и базирующейся на ней категории вида глагола (аспектуальности), а также на категории времени. Если суть термина *грамматическое время* не представляет проблемы, то гораздо сложнее для понимания понятие *темпоральности* как способа развертывания действия во времени. Р. Айцетмюллер резюмировал это следующим образом: «...В современном немецком языке категория времени (Tempus) абсолютно не находится на переднем плане, в грамматике нет места для способа глагольного действия и аспекта <...> В славянских языках категория времени развивалась дальше, но способ глагольного действия остался в них живым. ... была основой и движущей силой развития славянской видовой системы глаголов, что особенно характеризует систему славянских глаголов» [Aitzetmüller 1991: 164].

В этой системе есть еще один важный компонент – темпоральность, которая включена в способ глагольного действия и которая часто упускается из виду, потому что наше внимание концентрируется на способе действия. Процесс действия – это всегда событие во времени (из неопубликованной рукописи лекции Линды Садник «Объективная темпоральность в славянском глаголе»).

То, как этот временной компонент влиял и до сих пор влияет на развитие глагольной системы в славянских языках, показывают следующие примеры из области старославянских, русских, чешских и польских итеративов. Кстати, этот временной компонент содержится даже в немецком и польском названиях глагола: ср. немецкое обозначение *Zeitwort* (*Zeit* ‘время’ + *Wort* ‘слово’) и польское название *czasownik* (*czas* ‘время’ + суффикс *-ownik*).

В старославянском языке существовала лишь небольшая группа итеративов, образованных от первичных глаголов. Эти формы до сих пор употребляются в современных славянских языках, например:

носити от *нести* (*tragen*)

водити от *вести* (*führen*) и т. д.

Но в большинстве случаев семантика итеративности выражалась соответствующим контекстом, например: ... *убиша многыѣ*

(убиша аорист от *убити*) в значении: они убили многих / они убивали одного за другим

В период с XIV по XVII век в русском языке появилось большое количество итеративных форм, которые в основном использовались в прошедшем времени: *сиживал, живал* и под., например: *Пускивал в город людей.* (XVII век) [Tschernych 1957: 235].

В конце XVII века большинство из них исчезло из употребления в русском литературном языке. В настоящее время они еще встречаются в разговорной речи или диалектах, например: *Откуда ты (это) бирывала, молодиця* (говор Архангельской области) [Tschernych 1957: 235].

Подобную закономерность в развитии глагольной системы можно наблюдать в чешском языке XVI века, в этот период в чешском языке наблюдается высокая продуктивность итеративных глаголов. Большинство из них продолжает употребляться и в современном чешском языке, например:

hrávat и даже *hráváva* (итератив второй степени) от *hrát* ('играть')

rozdávat и даже *rozdávávat* (итератив второй степени) от *rozdát* ('распространять').

Это явление в развитии чешского языка повлияло на польскую глагольную систему XVI века, что привело к возникновению множества итеративов в польском языке.

Однако, в отличие от чешского, в современном польском языке сохранились лишь немногие из этих форм, например:

pisywać от *pisać* ('писать')

czytywać от *czytać* ('читать').

Появление итеративных форм ясно показывает, насколько важна темпоральность в славянских языках. Как один из важнейших элементов славянской глагольной системы она не утратила своего значения и до сих пор. Приведенный далее пример показывает дальнейшее развитие глагольной системы под влиянием темпоральности. Показательным примером может служить русский глагол *кричать*. Будучи глаголом несовершенного вида, он соотносится с глаголом совершенного вида *крикнуть*. С однокорен-

ным итеративным глаголом *выкрикивать* также соотносится глагол совершенного вида *выкрикнуть*.

Глагольные системы чешского и польского языков демонстрируют аналогичное развитие этого явления, например:

чеш. *křičet* (несов.) *křiknout* (сов.) – *vykřikovat* (итер.) – *vykřiknout* (сов.)

пол. *krzyczeć* (несов.) – *krzyknąć* (сов.) – *wykrzykiwać* (итер.) – *wykrzyknąć* (сов.)

Обратимся к использованию рассматриваемых форм в современной русской прозе – сопоставим эти формы с немецким переводом, чтобы показать, насколько креативны русские глаголы благодаря влиянию темпоральности. Примеры взяты из следующих произведений:

Михаил Шишкин. Венерин волос. Москва, 2011.

Michail Schischkin. Venushaar (перевод: Andreas Tretner), btb, München, 2013.

Абрам Терц. Фантастические повести. Przyż, Instytut Literacki, 1961.

Abram Terz. Phantastische Geschichten. Sämtliche Erzählungen.

(Übersetzt von: Eduard Suslik und Anna Moravec). Paul Zsolnay Verlag, 1967.

Рассмотрим примеры, взятые из произведения Абрама Терца (Абрам Терц – псевдоним Андрея Донатовича Синявского).

1. *Она не собиралась тебя покидать и расхаживала перед домом, как часовой.* (С. 61)

Sie machte keine Anstalten, dich zu verlassen und ging wie eine Schildwache vor dem Haus auf und ab. (С. 344)

В русском тексте автор применяет итеративный глагол, а переводчик использует глагол, лишенный итеративной семантики и обозначающий ход действия, дополненный в контексте выражением *туда и сюда*, чтобы передать итеративный характер семантики русского глагола.

2. ... *шепнула Лиды, зардевшись.* (С. 60)

... *flüsterte Lida errötend.* (С. 343)

Семантика совершенного вида русского глагола в немецком языке выражается глаголом, описывающим процесс действия, который значит «шептала».

3. *Как вы в отпуск **ушли** – только про вас думаю.* (С. 60)

*Seit Sie im Urlaub **sind**, denke ich nur noch an Sie.* (С. 343)

Глагол *ушли* указывает на момент, когда персонаж начал думать о «вас», с момента его начала. В переводе указание на начальный момент не выражается, в качестве временного ориентира называется лишь статическое состояние «быть в отпуске».

4. *Забыв о некупленной колбасе, ты **бросился** домой.* (С.59)

*Ohne an die Wurst zu denken, die du **eigentlich** kaufen.*

*wolltest, **bist** du nach Hause **gerannt**...* (С. 342)

Здесь в русском тексте совершенный вид глагола подчеркивает начало движения, а немецкий перевод описывает дуративное движение в прошедшем времени, дополненное выражением *Hals über Kopf* ('сломя голову'), чтобы подчеркнуть это беспокойное, спонтанное движение.

Рассмотрим примеры, взятые из романа Михаила Шишкина.

1. *Императоры так быстро **взрослеют** и забывают о своих империях.* (С.14)

*Kaiser werden furchtbar schnell **erwachsen** und vergesse ihre Reiche.* (С. 14)

В этом примере использована глагольная форма, типичная для славянских языков, указывающая на изменение состояния под влиянием темпоральности. В немецком языке такая форма отсутствует.

2. *А потом **стал пробираться** в Россию.* (С.12)

*...mich anschließend nach Russland **durchgeschlagen**.* (С.11)

В русском предложении глагол указывает на начало действия, а в немецком переводе – уже на результат.

3. *Я в тот день **возвращался** домой.* (С. 11)

*Als ich an dem Tag nach Haus **kam** ...* (С. 11)

Русский глагол *возвращался* указывает на течение (ход) действия, а немецкий *kam* – на результат.

4. *Я боялся, что они меня **увидят** и тоже убьют.* (С. 11)

*Ich hatte Angst, dass sie mich **sehen** und auch umbringen.* (С. 11)

Этот пример ясно показывает, что здесь важен именно начальный момент действия. В отличие от русского автора, переводчик употребляет глагол, выражающий общее состояние зрительного восприятия.

В заключение можно сказать, что под влиянием категории времени, аспекта и способа глагольного действия русские глаголы обладают уникальной творческой креативностью, которая делает русские тексты более выразительными и точнее передающими процесс действия.

Литература

Aitzetmüller R. Altbulgarische Grammatik, Freiburg, 1991.

Tschernych P.J. Historische Grammatik der Russischen Sprache. Halle, 1957.

Маслов Ю. С. О происхождении славянского глагольного аспекта // Zeitschrift für Slawistik. 1959. № 4. С. 560-568.

Шелесникер Х. Происхождение и развитие славянского глагольного аспекта // Die Welt der Slaven. 1959, № 4. С. 390-409.